

ANNA BEDNARCZYK
Uniwersytet Łódzki*

**Политические контексты переводческой деятельности
(перевод — переводчик — политика
в польском и русском социокультурном пространстве)**

Political contexts of translation (Translation — Translator — Politics
in the Polish and Russian sociocultural space)

Abstract

The paper deals with various types of political influence on the translation and translators. The author shows different types of official (public) censorship and unofficial one (self-censorship, publishing policies). She discusses the problem on the basis of a range of examples (Polish and Russian mainly), and in the context of different historical epochs. She attempts to show the interrelations between the political principles and translators' decisions, and to demonstrate in what way politics influences the choice of profession.

* Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego
ul. Pomorska 171/173, 90–236 Łódź
e-mail: anbednar@o2.pl

1. Вводные замечания

Заявленная в заглавии тема несомненно провоцирует вопрос о том, каким образом перевод связан с политикой, в какой степени он зависит от политики и, напротив, может ли перевод влиять на политику. Кроме этого, отметим, что взаимосвязям между переводом и политикой свойственны разнообразные характеристики, о чем можно убедиться просматривая литературу на эту тему, которая в разные годы появлялась в разных странах. Прежде всего стоит отметить работы об истории цензуры и о влиянии политики на переводную литературу. Итак, упомянем две книги об истории цензуры в России: Богусавы Мухи (1994) и Геннадия Жиркова (2001). Обратим внимание на исследования Стефана Гурского (1906) и Бартомея Шиндлера (1993), посвященные развитию цензуры в Польше. Заметим, что в 2002 г. была издана монография Татьяны Горяевой о цензуре в СССР (2002). За последние годы многочисленные работы, учитывающие идеологический контекст перевода были напечатаны в известных научных журналах и в сборниках статей. Перечислим лишь некоторые фамилии авторов, которые писали о взаимосвязи перевода и идеологии: Петр Кухивчак (2011: 238–373), Питер Фавсет (1998: 106–111), Дороти Келли (1998: 57–63), Джереми Мандей (2007: 195–217).

Следует также учесть исследования, касающиеся отдельных проблем, в том числе издательской политики и конкретных случаев политического модифицирования целевого текста. Перечислим здесь некоторые работы, рассматривающие русскую и советскую социосферы, а именно статьи Сусанны Витт (2011: 149–170; 2013: 141–184), Якова (Яши) Клотса (2011: 187–204), или Натальи Рудницкой, которая исследовала влияние цензуры на перевод в современной России и Украине (2013, 20.10.2012). Упомянем также статью Марии Тымочко о влиянии идеологии на переводчика (2003: 181–202).

Интересующей нас теме посвящены многочисленные работы, однако о политических контекстах перевода в рамках польского и русского языков известно довольно немного. Поэтому мы попытаемся разобраться в намеченной проблематике, указывая на общем фоне взаимосвязь политики и перевода именно в рамках этих языков и культур. Но, прежде чем перейти к данным рассуждениям, обратим еще внимание на вид перевода, о котором пойдет речь в дальнейших исследованиях.

Несмотря на то, что в любом случае можно наметить путь от перевода к политике и обратно, мы не будем заниматься всеми тремя видами перевода, выделенными в свое время Романом Якобсоном (Jakobson 1959: 232–239), а только лишь межъязыковым переводом. Однако, если мы упомянули о возможности существования взаимосвязей между переводом и политикой, попытаемся разъяснить эти слова. Итак, в любом случае перевода, даже тогда, когда это внутриязыковое переложение, сводящееся к объяснению, пересказанию, замене одного -лекта (социолекта, диалекта) другим, и тогда, когда один семиотический код заменяем другим, можно наблюдать модификацию и даже искажение содержания и смысла, которое является результатом влияния, какое оказывает на них политика.

2. Исторический экскурс

Таким образом, уже в самом начале настоящих рассуждений возникает вопрос об искажении текста перевода, наступившем под влиянием доминирующей идеологии. Здесь следует подчеркнуть, что данное явление исторически обусловлено. В разные исторические эпохи политическая действительность по-разному влияла и на процесс и на результат перевода. Рассуждая о некоторых из этих периодов, можно говорить о большом влиянии официальной (напр. государственной) цензуры и на художественную литературу и на ее перевод в частности, в иное время отмечается преобладание автоцензуры. Известны даже «мученики за перевод», пострадавшие и даже погибшие из-за выполненных переводов или из-за мнений, высказанных на эту тему.

Среди них отметим святого русской православной церкви, Максима Грека, приглашенного в Москву с целью перевести *Псалтырь* и исправить выполненные уже переводы других религиозных текстов, который никогда не получил разрешения вернуться на родину, напротив, как известно, был обвинен, между прочим, в «порче» богослужебных книг, осужден и сослан в Тверской Отроч монастырь. Стоит упомянуть, что еретические высказывания, которые якобы появились в его переводах, можно объяснить незнанием целевого языка — Максим Грек переводил с греческого языка на латынь, и только его русские помощники выполняли перевод на староцерковнославянский. Следует учесть и политическую причину его «ареста» — замеченные греческим монахом отклонения от первоисточника, которые были им найдены в староцерковнославянских переводах, используемых русской церковью. И церковные и государственные власти опасались, что Грек известит о них «православный мир» и все узнают, что на Руси неправильно интерпретируются догмы православного вероисповедования. Поэтому попытки Грека вернуться к подлинному тексту путем выправления переводов могли стать причиной его несчастья. Мы согласны с мнением известного историка Сергея Перевезенцева, замечаящего по этому поводу:

...он, воспитанный в духе традиционного византийского (греческого) православия, обнаружил в славянских книгах многие несоответствия византийской ортодоксии. Следовательно, и русское православное вероучение, в результате многовекового самостоятельного развития, к XVI веку уже существенно отличалось от греческого. Попытки же Максима Грека ликвидировать эти несоответствия были восприняты Русской Церковью и русскими светскими властями, как покушение на православные догматы и на независимость России. Между прочим, в этом заключалась и одна из

причин нежелания выпускать Максима из России, — он слишком много узнал. Следовательно, власти опасались, что, вернувшись на Афон, Максим Грек мог повлиять на формирование негативного отношения к России во всем православном мире. (Перевезенцев 2001)

Не будем здесь перечислять всех фамилий пострадавших переводчиков, отметим, однако, что это явление касается не только Средневековья и не только России. Например, в период реформации наблюдается резкий отказ приверженцев римско-католической церкви и сторонников разных евангелических костелов от переводов, выполненных религиозными противниками, даже если в момент выполнения перевода они еще не были «религиозными соперниками». В данном контексте интересно упомянуть случай польского поэта Миколая Рея, в 40-е годы XVI века принявшего протестантское вероисповедание. Еще до своей конверсии он перевел на польский язык псалмы, которые римскокатолическая церковь перестала признавать после перехода поэта на протестантизм. Ими не пользовались и протестантские костелы, в силу того, что их автором являлся католик.

О такого рода своеобразной цензуре, проводимой сегодня евангельскими костелами в Польше, упоминает Пшемислав Яниковски, рассуждающий об осуществляемом ими выборе переводчиков среди членов своих костелов (2002: 175–181).

Следующее явление, связанное с интересующей нас проблематикой — издательская политика. Издательства способны управлять книжным рынком и, следовательно, рынком переводов. Это связано как с выбором переводимого материала, так и с определением принципов выполнения перевода, а значит, с неофициальной (не государственной) цензурой проводимой издательством. Она может отвечать на запросы официальной государственной идеологии, может также определяться интересами данного издательства.

Иллюстрируя данную ситуацию, следует обратить внимание на предложенное Гидеоном Тури деление переводческих норм (1995: 53–69). Итак, оказывается, что политика влияет уже на первую из них — предварительную, определяющую выбор текста для перевода. На него могут повлиять и политическая обстановка принимающей культуры, и издательская политика. Они могут также являться результатом мировоззрения, принятого автором перевода, на которого влияют внелитературные и внеязыковые факторы. Имеется в виду не только цензура, страх перед возможным наказанием, но и некоторые убеждения, которыми данный человек проникся за всю свою жизнь, начиная с того, что ему было привито в детстве. Мирон Петровский, занимающийся художественным творчеством для детей, писал: «Для тех же, кто, вырастая, делается читателем, прочитанное в детстве превращается в пожизненную базу культурного развития» (1990: 38). Перифразируя эти слова, можно сказать, что опыт и некоторые убеждения, а также принципы поведения, привитые нам в детстве родителями и окружающей средой, способны влиять на наши выборы, в том числе и переводческие, даже если мы сами не осознаем этого.

Кроме того, стоит учесть и материальный аспект, связанный с переводческой деятельностью. Издательство и политические правители данной страны могут прибегать к финансовым поощрениям, осуществляя определенную политику. В таком случае выборы переводчика не являются политическими, хотя остаются ими, если рассуждать об издательстве, оплачивающем его труд.

Мы должны здесь отметить, что уже в древние века перевод служил политике, о чем свидетельствуют общеизвестные археологические находки, прежде всего, найденные переводы документов. Лучшим примером является известнейший Розеттский камень. Эта базальтовая плита (по некоторым сведениям гранодиорит) с двуязычной надписью, выбитой в трех вариантах (на древнегреческом языке и два раза на древнеегипетском: иероглифами и демотическим письмом), представляет собой благодарственный адрес египетских жрецов, составленный по поводу первой годовщины вступления на престол Птолемея V Епифана. Жрецы из Мемфиса таким образом выражали новому фараону благодарность, в частности, за увеличение получаемой ими прибыли. Выбитый на плите текст несомненно относится к политике, что и повлияло на возникновение его переводных вариантов — он должен был быть известен всем народам, проживающим на территории тогдашнего Египта.

С точки зрения связи с политикой, можно рассматривать также глиняные таблички, найденные в развалинах античного Вавилона и Шумера, посредством прочтения которых ученые смогли узнать, что в древние времена велась торговая и дипломатическая переписка, зачастую одновременно на двух языках. В этом контексте стоит обратить внимание на так называемый поздний период (2000–1700), когда шумерский язык постепенно вытеснялся аккадйским. Именно к этому периоду относятся тексты, записанные на двух языках (шумерском и аккадйском). Отметим, что найденные археологами таблички с упомянутыми переводными текстами позволили доказать существование государства, культуры и языка древнего Шумера.

Перейдем, однако, к временам Средневековья, когда о переводе нельзя рассуждать не учитывая его политических обусловленностей. Обычно данный период рассматривается как время усиленного перевода религиозных текстов, а также как время развития национальных письменностей, чему способствовала переводческая деятельность. Можно сказать, что, рассуждая об этих временах, мы должны исследовать прежде всего культурный прогресс, уделяя особое внимание переменам на религиозной почве и возникновению, а также эволюированию литературных систем. Но следует задуматься о связи религиозных текстов с политикой. Ведь само принятие христианства часто было мотивировано политическими причинами. Это относится и к Мешко I, желающему предотвратить немецкое влияние на свое государство, для чего необходимыми оказались, с одной стороны, принятие христианства и, с другой — политически выгодный союз с Чехией, чему способствовало бракосочетание польского князя с Дубравкой. Это относится и к киевскому князю Владимиру Святославичу, по велению которого государственной религией на Киевской Руси стало православие, чему, в свою очередь, способствовал брак с Анной Византийской, сестрой императоров Константина VIII и Василия II, руки которой Владимир потребовал взамен за помощь в подавлении бунта Варды Фоки.

Этот небольшой исторический экскурс позволил нам указать политический фон, сопутствующий возникновению переводов религиозной литературы, в случае Польши, прежде всего с латыни, в случае Киевской Руси — с греческого языка. Итак, отметим, что политические причины вынудили возникновение переводов, цель которых сводилась к влиянию на мировосприятие получателя, а именно, на христианизацию народа. Общеизвестным является факт, что сын Владимира, Ярослав Мудрый в 1037 году собрал в киевском Софийском соборе группу монахов-переводчиков,

которые под руководством митрополита Иллариона переводили религиозные тексты на староцерковнославянский язык, благодаря чему в соборе возникла первая на Руси библиотека.

Отметим, что в это время в Европе возникали школы для переводчиков, обучение в которых концентрировалось прежде всего на переводе религиозных текстов. Например, в Англии в X столетии такие школы основал король Альфред. Однако, с нашей точки зрения интересным кажется возникновение в XIII веке в Париже Высшей школы для устных переводчиков, инициатором которой был юрист Петрус де Боско. Появление школы должно было помочь экспансии на восток, поэтому в ней обучались переводчики с восточных языков.

В необходимости обучать переводчиков, используемых затем для выполнения политических целей, убедились также конкистадоры, похищающие молодых индейцев, чтобы «научить их говорить», так как язык туземцев не считался ими языком, о чем писал в свое время Гадеуш Рахвал (1996: 39). Следует также заметить, что религиозные и политические (ориентированные на экспансию) цели были тесно связаны друг с другом. Территориальный захват мотивировался желанием христианизировать язычников и для выполнения этой цели нужны были переводчики. Поэтому испанцы довольно часто похищали индейцев, обучали их кастильскому языку и забирали с собой в очередные экспедиции, о чем упоминает Мажена Хробак, которая пишет, между прочим, о наложнице и переводчице Эрнана Кортеса — Малинели (Chrobak 2003: 103; 2012). Хробак обращает внимание именно на политические последствия работы переводчицы, которой Кортес в большой степени обязан своей победой. А ведь часто случалось как раз наоборот: похищенные и ставшие переводчиками индейцы убегали от своих господ и, переводя их слова, подстрекали своих братьев к бунту против конкистадоров. Исследовательница дает пример похищенных во время первой экспедиции Кортеса индейцев, окрещенных как Хулиан и Мельхиор, о которых в хронике *Historia verdadera de la conquista de la Nueva España* Берналя Диаса дель Кастильо читаем, что они несомненно сказали индейцам не то, что велел испанский офицер, так как те ушли и не вернулись (цит. за: Chrobak 2003: 102).

3. Цензура

Неотъемлемой частью политического контекста перевода оказывается также цензура. Мы уже замечали, что она может быть официальной: государственной или же неофициальной — издательской, это может быть и автоцензура. Государственная цензура относится к странам, которые нельзя признать демократичными, в свою очередь проявления неофициальной цензуры, как политической, так и нравственной, наблюдаются всегда и везде. Например, в эпоху Просвещения дидактическая цель, выполняемая художественным текстом, и следовательно, неофициальная цензура, подчиняли себе все аспекты перевода, начиная с выбора первоисточника и заканчивая конкретными переводческими решениями, на что указывала в своей книге Ядвига Зентарска (1969). Издательская политика, стремившись именно к выполнению этой цели, определяла полезные читателю тексты, их род, авторов, а также методы перевода, способствующие реализации просветительской цели.

При этом наблюдается нравственная цензура, связанная с приближением текста получателю переводного варианта. Можно также заметить элементы автоцензуры, свидетельствующие о приспособлении текста к принятым в данной культуре нормам, или к своему (переводчика) мировоззрению. Свои переводческие решения авторы переводных вариантов часто объясняли в обширных вступлениях. При этом, отметим, трансформации, которым подвергался текст в переводе, не были вызваны вмешательством цензора, они проводились самим переводчиком и часто мотивировались стремлением привить читателю общепринятые нормы и истины.

Кстати, вопрос о единственной, признаваемой всеми, правде следует рассматривать также в случае официальной государственной цензуры, о которой можно рассуждать на примере разных стран. Если речь идет о России, можно говорить и об официальной церковной цензуре, которую можно в какой-то степени сравнивать с цензурой времен испанской Инквизиции, и о цензуре, осуществляемой государственными властями. В первом случае мы заинтересованы не столько доносами и наговорами, о которых мы писали по поводу осуждения Максима Грека, сколько некоторыми официальными документами. Это, например, документы Стоглавого Собора от 1551 года, касающиеся контроля над переводом богослужебных книг, поскольку они порочно переводятся и копируются переписчиками. Контроль должен был осуществляться духовными лицами. Здесь стоит заметить, что в 1721 году Петр I признал религиозную цензуру государственной.

С другой стороны, нельзя забывать, что именно этот царь способствовал повышению ранга переводчиков в России. Высокая позиция, закрепленная за переводчиками в таблице о рангах, а также возможность получить дворянство (с 8 ранга) может быть объяснена огромным спросом на перевод. Имеются в виду не только переводы религиозных текстов, но и специализированных, в том числе технических, торговых, правовых и дипломатических документов. Поэтому в 1735 году при Петербургской Академии Наук Петр I основал школу, в которой обучались переводчики, работающие после ее окончания в Коллегии иностранных дел. Некоторые из них становились дипломатами. Стоит добавить, что в случае дипломатического перевода довольно часто наблюдается связь переводчиков с органами власти (с данным правителем), вплоть до «отождествления» обеих профессий. Лучшим примером является переводчик времен Петра Великого, работающий в Посольском приказе, Петр Шафиров, впоследствии ставший дипломатом, о чьей карьере писал, например, Кирилл Новиков (2009). Следует отметить, что в случае переводчиков-дипломатов, точно так же, как и в случае переводчиков религиозных текстов, важнейшим обстоятельством, способствующим карьере, часто оказывается доверие власти. Тем более, что нельзя забывать и о проблемах, связанных с переводом текстов, касающихся политики, прежде всего с переводом дипломатических документов. Они доставляют переводчику особые затруднения из-за своей специфической терминологии и особой стилистической структуры. Кроме терминологических и стилистических особенностей такого рода текстов стоит обратить внимание на культурологические различия, а также на возможные результаты непродуманных решений переводчика, которые, как в свое время замечал Анджей Фольнагель, могут привести к дипломатическому конфликту (Voellnagel 1998).

Возвращаясь, однако, к теме влияния цензуры на перевод, отметим ее укрепление очередными русскими императорами, прежде всего Екатериной II, повелевшей уч-

редить бюро, занимающееся контролированием переводов. В период ее царствования были ликвидированы почти все частные типографии, зато были учреждены цензорские комитеты, в состав которых входили духовные и светские лица. Таким образом императрица, за которой оставалось последнее слово, могла влиять на политику в области перевода.

Позднее, в XIX столетии в России был учрежден и Цензорский Комитет, работающий при Министерстве Народного Просвещения и оценивающий все печатающиеся в стране переводные тексты, который был подчинен Министерству Внутренних Дел. В начале XX века (в 1905 году) вся цензура, кроме церковной, в России была отменена. Но она возродилась после Октябрьской Революции, причем в СССР она касалась не только содержания подлинника, но и выбора текстов для перевода, выбора автора и даже выбора переводчика, так как всё должно было отвечать официальной идеологии. Именно поэтому не переводились произведения, считаемые идеологически неправильными или непригодными в новой революционной обстановке. С другой стороны, следует подчеркнуть стремление к просвещению общества путем введения в советскую литературную систему высоко оцениваемых произведений мировой литературы. В связи с этим, в 1919 году было основано издательство «Всемирная литература», которое возглавил Максим Горький. С издательством сотрудничали лучшие советские переводчики. В рамках этого проекта намечалось напечатать на русском языке все шедевры мировой художественной литературы.

Однако, независимо от амбициозных издательских планов создать такую библиотеку, существовали тексты, которые по политическим причинам должны были оставаться непереуведенными. В данном случае можно говорить о разной степени цензорского вмешательства, начиная с вычеркивания из произведений неудобных и нежелательных слов (иногда путем применения многочисленных многоточий), вплоть до устранения из читательского сознания фамилий некоторых авторов и заглавий определенных текстов, которые никогда (или до какого-то времени) не упоминались.

Интересно, что неиздаваемые по политическим причинам поэты и писатели довольно часто становились переводчиками и в некоторых случаях они оказались превосходными мастерами этого дела. Однако следует отметить, что несмотря на пользу для целевой полисистемы, принимающей упомянутые переводы, большинство их авторов были вынуждены заняться переводческой практикой по экономическим причинам. Например, из воспоминаний друзей Анны Ахматовой известно, что благодаря переводам она зарабатывала на жизнь. Приведем в этом месте слова Натальи Роскиной: «Писала Анна Андреевна в те годы мало. Ей предоставили возможность зарабатывать переводами: это спасало ее от голода» (Роскина 1989). Об экономической ситуации поэта упоминает и Лидия Чуковская, цитируя слова, изреченные Ахматовой в разговоре с ней: «Книги наверное не будет, — сказала Анна Андреевна. — Я согласилась переводить Лопе де Вега. Надо на что-нибудь жить» (Чуковская 2007).

Но даже ее переводы иногда задерживались цензурой. Левон Мкртчян рассказывает о переведенном Ахматовой стихотворении армянского поэта, которое исчезло из антологии армянской поэзии¹ (Мкртчян 1990).

¹ Текст был написан на армянском языке, фамилия переводчика не указана.

А ведь положение Ахматовой знаменательно, так как касается известнейшей поэтической индивидуальности и личности, известной не только во всей дореволюционной России и в Советском Союзе, но и за рубежом. В таком же, и даже худшем, положении оказались другие советские художники слова. Переводами зарабатывали на жизнь такие непечатаемые в Советском Союзе поэты, как: Михаил Кузьмин; Марина Цветаева, которой Александр Фадеев советовал снять комнату и заняться переводом (Фадеев 1940); Николай Заболоцкий, печатаемый только как переводчик и автор книг для детей, а также Борис Пастернак, чьи переводы после издания на западе *Доктора Живаго* перестали печататься на родине, устранялись из подготовленных уже к изданию сборников, а за выполненные Пастернаком переводы издательства не платили, о чем в биографии отца писал Евгений Пастернак (1997).

Итак, политика может управлять судьбами литераторов, переводчиков, править издательской политикой и манипулировать читателем, получающим то, что получить позволит ему режим, руководствующийся определенной идеологией. Тем более, что издательская политика заключается не только в устранении того, что кажется неправильным, ненужным, но и в том, чтобы ввести в данную литературную систему определенных авторов и определенные тексты. Лучшим примером могут послужить страны так называемой народной демократии, в том числе и Польша после II Мировой войны, когда мы были вынуждены переводить русскоязычную художественную литературу, причем не только лучшую, а прежде всего, идеологически «правильную», в том числе и «шедевры» политических руководителей.

Конечно, политика, как средство принуждения и формирования у читателей желаемого государственным властями мировоззрения посредством перевода, относится не только к СССР и к его сателлитам. Отметим также наличие цензуры в фашистских странах. Например, в Италии Муссолини не существовала, правда, официальная цензура, однако Министерство Культуры вело специфическую издательскую политику. Издательства должны были получать разрешение Министерства на печатание любого перевода. Министерство, в свою очередь, могло требовать изменений текста, вплоть до его редукции, и даже закрыть издательство. Кроме этого, количество переводов лимитировалось. Поэтому издательства вводили неофициальную внутреннюю цензуру, которая помогала им избавиться от проблем и финансовых потерь (Rundle 2010; Rundle, Strunge 2010).

Зато во франкистской Испании существовали целых три цензорских органа и все они должны были дать свое согласие на публикацию данного текста. К тому же, в Испании нельзя было переводить самых известных писателей. Их творчество замалчивалось или редактировалось особым способом. Итак, Креспо Исиар в книге о цензуре при режиме Франко рассказывает о переводе романа Эрнесто Хемингуэя *За рекой, в тени деревьев* (*Across the River and Into the Trees*), где из высказывания о «толстозадом генерале Франко» исчезло последнее слово — фамилия диктатора (Itziar 1999).

Необходимо также обратить внимание на курьезное положение переводчиков в гитлеровской Германии, где они считались врагами национальной культуры. Цензура должна была стоять на страже национальных идеалов и охранять их от переводческих искажений. В данном случае можно говорить и об издательской (внутренней) цензуре, и об официальной цензуре государственных властей, которая в 30-ые годы занималась, прежде всего, ограничением количества книг в книжных магазинах

и в библиотеках. Кстати, после вспышки второй мировой войны запрещалось переводить книги, авторами которых были представители национальностей, считаемых немцами вражескими. Репрессировались и переводчики с «неправильных» языков (Strunge 1999: 135–146).

Вернемся, однако, к послевоенным временам и к польско-русским взаимосвязям. Мы отметили уже, что после второй мировой войны в Польше обязательно переводились и печатались некоторые идеологически «правильные» тексты. В то же время некоторые тексты не имели права появиться на книжном рынке. Например, только в 1983 году появилось двуязычное издание стихов погибшего в 1938 Осипа Мандельштама. В свою очередь, из сборника изданных в 1986 году песен Владимира Высоцкого цензура, под предлогом заботы о художественной ценности текста, устранила некоторые переводы, оставляя в книге только русский текст². Конечно, следует отметить, что в Польше иногда издавались произведения авторов неиздаваемых в СССР. Примером могут послужить *Requiem* Ахматовой, некоторые стихотворения Мандельштама, также Иосифа Бродского, о котором в Советском Союзе вспомнили только тогда, когда поэт получил Нобелевскую премию.

Нельзя также забывать о существующей в нашей стране нравственной цензуре. Отметим хотя бы нехватку полного польского перевода *Старухи Изергиль* Максима Горького. Единственный полный, причем анонимный, перевод этого произведения относится к 1903 году (Gorki 1927: 59–88). Позже переводились всего лишь две части рассказа, а именно легенды о Данко и о Ларре. Никто не перевел рассказа Изергиль о ее жизни. Возможно, на это повлияли слова о змеином польском языке или образ польского офицера, некрасиво обращающегося со спасшей его цыганкой.

В свою очередь, польский перевод гоголевского *Тараса Бульбы* появился в 1850 году, а следующего польские читатели ждали более 150 лет. В предисловии к варианту, изданному в 2002 году, переводчик — Александер Зимны писал, что по всей вероятности, произведение Николая Гоголя не переводилось из-за указанного в нем образа полков (Zimny 2002: 5–9). Такое же мнение высказывал Януш Тазбир — автор *Послесловия* к новейшему польскому переводу (Tazbir 2002: 145–169).

Однако, исследуя политику, предпринимаемую разными государствами по отношению к переводам, довольно часто замечаем другие цели. Например, в статье *Polisystem Theory and Translation Policies In Canada* Вацлав М. Осадник обращает внимание на попытку уравновесить роль франко- и англоязычной литературы, издаваемой в Канаде путем взаимоперевода лучших текстов, издаваемых на обоих языках. Парадоксально оказывается, что эта издательская политика приводит к преграждению пути к издательскому рынку дебютам и литературе на других языках (Osadnik 1996: 209–215).

В свою очередь, Ксения Старосельская уже после распада СССР, в 1998 году, рассуждая о принятии польской художественной литературы в Советском Союзе и сегодняшней России, писала:

[...] z wiadomych powodów obraz polskiej literatury był trochę zniekształcony, zubożony i przekrzywiony w określoną stronę [...] Stale wydawano polskich klasyków XIX i XX wieku

² Информация Ольги Бранецкой, соредатора одного из изданных в Польше сборников песен В. Высоцкого: W. Wysocki (1986), *Ballady i piosenki*, pod red. O. Braniecekiej, P. Bergera, Krakowskie Wydawnictwo Akademickie, Kraków.

(oprócz Sienkiewicza, gdyż Ukraina była kategorycznie przeciwna nowemu [...] wydaniu *Ogniem i mieczem*, a bez *Trylogii* nie wypadalo drukować *Dzieł zebranych*). [...] Najpierw, z początkiem *pieriestrojki*, my — tłumacze — wpadliśmy w stan euforii. Wszystko jest dozwolone, nareszcie można zlikwidować „białe plamy”, odrabiając zaległości, wydawcy są naszymi sprzymierzeńcami! [...] Ale szczęście nie trwało długo. [...] Zaczęły działać prawa rynku. Duże wydawnictwa państwowe znalazły się w bardzo trudnej sytuacji. Żeby się jakoś utrzymać, zaczynają — jak wiele innych — drukować „powieści miłosne” albo kryminały. (Starosielska 1998: 11–12)

Итак, «белые пятна» в литературе появляются не только по политическим причинам, но также из-за экономического положения страны и издательства. Следует отметить и тот факт, что в последнее время некоторые из них исчезают благодаря Интернету.

4. «Аполитический» текст

Последнее касается, например, упомянутой уже литературы «ненужной» в СССР, в том числе польской литературы межвоенного периода. Если не нужны были Мандельштам, Цветаева и Ахматова, тем более не было причины переводить стихи польских поэтов, не являющихся авторами ни революционных текстов, ни политических агиток, к тому же возникших в «буржуазной» стране.

Эту проблему хорошо иллюстрирует появление в СССР и в современной России стихотворений некоторых известных польских поэтов. В наших рассуждениях примером послужат Мария Павликовская-Ясножевская и Леопольд Стафф, чье творчество никогда не воспринималось как политическое³.

Стихи Павликовской-Ясножевской в 60-е годы прошедшего столетия переводила Ахматова (Павликовская-Ясножевская 1963: 275–286). Появляется вопрос, почему только в 60-е годы, ведь польская поэтесса умерла в 1945? Стоит также обратить внимание на то, что в 1977 году в трехтомной антологии Поэзия Европы было напечатано всего лишь одно произведение Павликовской-Ясножевской в переводе Ахматовой (Павликовская-Ясножевская 1977: 85). Свидетельствует ли это о признании автора Поцелуев в Советском Союзе? Этого можно было бы ожидать, учитывая фамилию переводчицы. Однако, если припомним, что Ахматова не была «любимицей» советских властей и, если сравнить биографические данные, а именно годы жизни польской поэтессы (1891–1945) и ее переводчицы (1889–1966), а также странный выбор стихотворения, напечатанного в Поэзии Европы — стихотворение *Wierzba przydrożna*, выражающее тоску поэтессы по родине, тогда по-другому посмотрим на существование данного творчества в сознании граждан СССР и на выбор стиха, деформирующий принятое в Польше отношение к Павликовской-Ясножевской, прежде всего как к автору любовной лирики. Тогда понятными становятся также причины игнорирования этого творчества в Советском Союзе. Следует также отметить, что стихи польской поэтессы впервые появились в СССР в 1963 году, в период хрущевской оттепели. В следующих изданиях количество этих переводов постепенно уменьшалось. В 1963 году их было напечатано девять, в 1969 в антологии польской поэзии всего лишь четыре (Павликовская-Ясножевская 1969: 173–177), а в упоминаемой Поэзии Европы только одно. Из этого вытекает, что, независимо от популярно-

³ За исключением высмеивающих Гитлера комедий Павликовской-Ясножевской.

сти Павликовской-Ясножевской в Польше и Анны Ахматовой в СССР, печатаемость творчества первой из них в Советском Союзе зависела от политической обстановки. Об этом, кстати, писал Владимир Британишский, упоминая о снятии в Москве запрета на польскую литературу в 1986. Запрет этот длился с момента введения в Польше военного положения (Британишский 2000).

Следующий пример касается творчества Леопольда Стаффа, чьи стихи стали печататься в СССР только после смерти поэта, скончавшегося в 1957 году (1878–1957), причем нельзя говорить об особенной популярности Стаффа и заинтересованности советских граждан этим творчеством. Сегодня в России печатаются отдельные переводы его стихотворений, среди переводчиков замечаются новые имена, однако, переводится лишь небольшая часть творчества поэта. Рассуждая о популярности Стаффа в СССР и в сегодняшней России, мы должны отметить, что в сегодняшней России никто уже не ожидает от поэтов политической угодливости, и данное творчество не подвергается политической цензуре, а выбор текстов для перевода, число изданий и их тираж зависят только от переводчиков и от издательской политики, которая, в свою очередь, стимулируется законами экономики.

Зато, до хрущевской оттепели философские стихи Стаффа не пользовались спросом у советских властей, напротив — они считались ненужными. Стоит еще заметить, что к польскому поэту нельзя было относиться как к классику и переводить его, учитывая художественную ценность поэзии, так как в период самого ожесточенного сталинского террора поэт оставался в живых, умер только в 1957 году. Кроме этого, Стафф считался представителем декадентского течения в польской литературе, и его пессимистические стихотворения не могли служить пропагандированию социалистического оптимизма.

Первый поэтический сборник Стаффа был издан в СССР только в 1971 году. Это были стихи в переводе одного из интереснейших современных русских переводчиков польской поэзии — Асара Эшеля.

В семидесятые годы на русском книжном рынке появился еще один том с переводами поэзии Стаффа, а именно Стихи под редакцией Владимира Британишского (Стафф 1973). Кроме переводов, выполненных самим Британишским, в томе предлагались русские варианты других авторов, между прочим, Анатолия Гелескула, Натальи Астафьевой, Давида Самойлова, Леонида Цывьяна, Елены Благиной, Бориса Слуцкого, Марии Петровых.

Стихи Стаффа печатались также в разных антологиях (Польские поэты 1978), в литературных журналах, как в случае ряда работ Британишского (1972: 48–63), являющегося одновременно и редактором позднейшей, изданной в 2000 году, антологии стихотворений польских поэтов совместно с женой Натальей Астафьевой (Астафьева, Британишский 2000), где появились переводы обоих супругов. В то же время Британишский является автором книги Речпосполитая поэтов (Британишский 2005), в которой помещаются его собственные переводы стихотворений польских авторов.

В восьмидесятые годы Стаффа стал переводить Лев Гунин — композитор, журналист, переводчик, в настоящее время проживающий в Канаде. Он является автором русских вариантов стихотворений из сборника *Poezje zebrane* (Staff 1981), а также переводов помещаемых на интернетных сайтах (Стафф 1981; Гунин 2009).

В свою очередь, в 1989 году вышел в свет альманах *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации* с переводом *Fletni chińskiej (Китайская флейта)*, выполненным Николаем Большевым-Северским, электронный вариант которого можно сегодня найти в Интернете (Стафф 1989).

В этом месте следует заметить, что в последние годы веб-страницы часто становятся местом первого издания данного текста, подлинника или перевода. Хорошим примером является Анатолий Гелескул, помещающий свои переводы стихотворений Стаффа на интернетных страницах таких известных журналов, как «Иностранная литература» и «Дружба народов»⁴, а также на сайте сетевого проекта «Век перевода»⁵. В интернетном пространстве, можно найти также 24 русскоязычных варианта текстов Стаффа, автором которых является Глеб Ходорковский (Стафф, 20.10.2012) и переводы Натальи Шведовой, помещающей их на интернетном сайте ежеквартальника «Меценат и Мир» (Стафф 2007).

Вышесказанное ясно указывает на рост заинтересованности русских переводчиков творчеством польского поэта, что наблюдается во «временном пространстве» последних 30-и лет. Здесь необходимо заметить способствующую этой популярности политическую обусловленность. Имеется в виду прежде всего отмена цензуры на польскую литературу, что наступило в конце 80-х годов прошедшего столетия, о чем во вступлении к книге *Речь Посполитая поэтов* писал Британишский (Британишский 2000), а также снятие неофициального запрета печатать неангажированные политические тексты.

5. Профессия переводчик

В данном контексте стоит также присмотреться нескольким переводчикам, учитывая некоторую характерную смену поколений, так как, рассматривая существование Стаффа в советском и русском культурном пространстве, мы обратили внимание на закономерность, определяемую границами между поколениями.

Отметим, что представители первого поколения переводчиков — имеются в виду авторы, родившиеся в начале XX века, как Елена Благинина (1903), Мария Петровых (1908), а также Борис Слуцкий (1919) и Давид Самойлов (1920) — получили филологическое образование. Благинина окончила Высший литературно-художественный институт. Петровых обучалась на Высших государственных литературных курсах, окончила литературный факультет Московского государственного университета. Слуцкий учился в Литературном институте имени Горького. Самойлов закончил Московский институт философии, литературы и истории. То, что образованные филологи, известные как авторы собственных художественных произведений, стали заниматься переводческим трудом, не вызывает удивления.

Вышесказанное относится и к Наталье Астафьевой (1922), которая закончила Московский педагогический институт. Однако, ее случай особый, поскольку мать Астафьевой была по происхождению полькой, сама переводчица родилась в Варшаве, и ее первым языком был именно польский, а русский она выучила только в возрасте девяти лет, когда вместе с родителями переехала жить в Москву.

⁴ Электронный вариант цитируемых журналов помещается на сайте „Русский журнал”, <http://magazines.russ.ru/authors/g/geleskul> [20.10.2012].

⁵ Сетевой проект „Век перевода”, <http://www.vekperevoda.com/1930/geleskul.htm> [20.10.2012].

Упомянутая мной переменка касается следующего поколения переводчиков, а именно тех, которые обучались в советских вузах в начале пятидесятых годов. Почти все они получили техническое образование и почти все по образованию инженеры. Первый переводчик польского поэта — Ассар Эшпель (1935) окончил отделение архитектуры Московского инженерно-строительного института. Анатолий Гелескул (1934) является выпускником Московского института нефтехимической и газовой промышленности. Один из известнейших популяризаторов польской литературы в России, Владимир Британишский (1933), получил диплом инженера, окончив Московский горный институт. Инженером гидротехником был также Леонид Цивьян (1938), но в его случае можно говорить о семейной традиции, о чем он рассказывал в интервью, данном Ирине Бондаренко (Бондаренко 2009).

Все они бросили выученные профессии и сыскали популярность как поэты, писатели и, прежде всего, — переводчики. Попытаемся ответить на вопрос о причинах случившегося, а именно о феномене «физиков – лириков» (травестируя выражение, касающееся известного в свое время спора). Итак, несмотря на то, что техническое образование считалось в СССР нужным, так как способствовало предполагаемому коммунистическими властями прогрессу страны, кажется, что в некоторых случаях на решение о поступлении в технический вуз повлияла политическая обстановка, сложившаяся в Советском Союзе. Конец сороковых годов, а прежде всего начало пятидесятых годов XX века, — это время сталинских репрессий, нацеленных против евреев, это период борьбы с так называемыми космополитами, время организованного Сталиным процесса кремлевских «врачей-вредителей». Связанные с этими происшествиями репрессии и предпринятая советским правительством политика, касающаяся также образования, повлияли на отношение к молодежи еврейской национальности, перед которой закрылись двери в университеты.

Среди перечисленных нами переводчиков стоит упомянуть Британишского, чей отец был еврей (мать по национальности полька) и Эшпеля, который, отвечая на вопрос журналиста, мотивировал свой выбор профессии прославленной пятой графой и пояснял:

Я закончил инженерно-строительный институт им. Куйбышева и даже отработал на стройке 8 месяцев. Так как я поступал в институт в 1953 году, мои возможности в выборе профессии были достаточно ограничены (цит. за: Шеглова 2002).

Следующая переменка поколений переводчиков начинает печатать свои первые труды в восьмидесятые годы прошедшего столетия. С одной стороны, мы наблюдаем среди них представителей разных профессий, как в случае, упомянутого уже Льва Гунина (1955), дирижера по образованию, с другой стороны — возвращение к традиционному филологическому образованию, примером чего являются литература-веды Николай Болдырев-Северский (1947) и Наталья Шведова (1959). Новая политическая обстановка в России повлияла не только на издательскую политику, но и на образование переводчиков. Стоит отметить, что она повлияла и на судьбы некоторых переводчиков, эмигрировавших из СССР в девяностые годы XX века, как в случае упоминаемых уже Льва Гунина (Канада) и Глеба Ходорковского (Германия).

6. Заключение

Последнее, на что следует обратить внимание, — это практика перевода, конкретные переводческие выборы и приемы. Отметим, что политические «метаморфозы» переводимого текста касаются, прежде всего, его редуцирования, расширения и замены подлинного образа иным. Интересно, например, что в в период существования СССР и ПНР в целевом русском варианте наблюдается не только тушевание религиозного контекста, который замечается в польском подлиннике, но также исчезновение из польского перевода слов о несуществовании Бога, если они появились в русском оригинале. Примером может послужить рассказ Василия Шукшина *Космос, нервная система и шмат сала* (Шукшин 1966), в польском тексте которого имеется именно такой «переводческий пробел». Из перевода Ирены Пиотровской исчез разговор старика и комсомольца о Боге (Szukszyn 1980).

Однако, эти трансформации, как проявление политического влияния, в том числе, как официальной, так и неофициальной цензуры и автоцензуры на художественную литературу, довольно часто исследуются на примере конкретных текстов (часто в сборниках статей)⁶, подвергаются критике и не входят в рамки настоящих рассуждений.

Итак, нельзя отвергать потребность анализа проводимого именно с точки зрения переводческих сдвигов, мотивированных политикой, так как он способствует полному пониманию политической обусловленности данной эпохи и позволяет проследить конкретные переводческие выборы в контексте данного периода. Только совместный учет практики перевода и политического контекста дает возможность объективно рассматривать указанную нами проблематику. При этом полную разработку проблемы обеспечивает лишь анализ, учитывающий специфику разных пар социокультурных подсистем и их взаимосвязей. Именно эту специфику необходимо иметь в виду, рассуждая о переводческой деятельности в рамках польской и русской (советской) социокультур.

Библиография

- Астафьева Н., Британишский В. (2000), *Польские поэты XX века. Антология*, т. I, «Алетейя», Санкт-Петербург.
- Бондаренко И. (2009), «Самое важное качество переводчика — сочувствование» памяти Леонида Михайловича Цывяна, „Gazeta petersburska. Polski miesięcznik w Sankt Petersburgu”, № 6 (107), <http://www.gazetapetersburska.org/pl/node/366> [dostęp: 20.10.2012].
- Британишский В. (1972), *Классик неоклассического века (Поэзия Леопольда Стаффа)*, „Вопросы литературы”, № 9.
- (2000), *Речь Посполитая поэтов*, „Вопросы литературы”, № 1, <http://infoart.udm.ru/magazine/voplit/n1-20/britan.htm> [20.10.2012].
- (2005), *Речь Посполитая поэтов*, «Алетейя», Санкт-Петербург.

⁶ Примером может послужить сборник: *Polityka a przekład* (1996), pod red. P. Fasta, „Śląsk”, Katowice.

- Chrobak M. (2003), *O prawdziwości banalu, że lepiej mieć tłumacza po swojej stronie* [w:] *Między oryginałem a przekładem*, t. VIII, *Stereotyp a przekład*, red. U. Kropiwiiec, M. Filipowicz-Rudek, J. Koniecznej-Twardzikowej, Księgarnia Akademicka, Kraków.
- (2012), *Między światami. Tłumacz ustny oraz komunikacja międzykulturowa w literaturze odkrycia i konkwisty Ameryki*, Wyd. UJ, Kraków.
- Чуковская Л. (2007), *Записки об Анне Ахматовой в 3 томах*, т. 2. 1952–1962, Издательство Время, Москва [online:] <http://lib.rus.ec/b/320822/read> [20.10.2012].
- Фадеев А., *Письмо М. Цветаевой от 17 января 1940* [online:] <http://foto.mail.ru/community/tsvetaeva/198/1245.html#1245> [20.10.2012].
- Fawcett P. (1998), *Ideology and translation* [in:] *Routledge encyclopedia of translation studies*, ed. M. Baker, Routledge, London.
- Gorki M. (1927), *Starucha Izergil* [w:] tegoż, *Chan i jego syn*, Biblioteka Groszowa, Warszawa (i wydanie: Kraków 1903).
- Гунин Л. (2009), *Переводы*, „Журнал Самиздат”, 28.05., http://samlib.ru/g/gunin_l_m/perevod11.shtml [20.10.2012].
- Горяева Т. (2002), *Политическая цензура в СССР, 1917–1991*, РОССПЭН, Москва.
- Górski St. (1906), *Z dziejów cenzury w Polsce. Szkic historyczny*, Skład główny księgarni Gebethnera i Wolfa, Warszawa.
- Itziar C. (1999), *Translating In a Nationalistic Context: Censorship In Translating under Franco*, UMIST, Diss.
- Jakobson R. (1959), *On Linguistic Aspects of Translation* [in:] *On Translation*, ed. R. A. Brower, Harvard U.P., Cambridge MA.
- Janikowski P. (2002), *Kontekst biograficzny w ewangelikalnym przekładzie teologicznym* [w:] *Biograficzne konteksty przekładu*, pod red. P. Fasta, A. Kozak, „Śląsk”, Katowice.
- Kelly D. (1998), *Ideological implications of translation decision: positive-self and negative-other presentation. Quaderns, Revista de 1.*
- Kuhiwczak P. (2011), *Translation and Censorship*, „Translation Studies”, № 3, кн. 4.
- Мкртчян Л. (1990), «Сладко ли ужинал, падишах?...» *Анна Ахматова и армянская поэзия*, „Голос Армении” (Ереван), 21 октября [online:] <http://www.akhmatova.org/articles/mkrтчian.htm> [20.10.2012].
- Mucha V. (1994), *Dzieje cenzury w Rosji*, Wyd. UŁ, Łódź.
- Новиков К. (2009), *Еврей Петра Великого*, „Коммерсантъ Власть”, № 27 (831), 13.07.2009, [online:] <http://www.kommersant.ru/Doc-y/1197215> [20.10.2012].
- Munday J. (2007), *Translation and ideology: A textual approach*. „The Translator”, №13 (2).
- Osadnik W. M. (1996), *Polysystem Theory and Translation Policies In Canada* [w:] *Polityka a przekład*, под ред. P. Fasta, „Śląsk”, Katowice.
- Пастернак Е. (1997), *Борис Пастернак. Когда разгуляется. Биография*, Издательство «Цитадель», Москва, <http://lib.rin.ru/doc/i/75211p.html> [20.10.2012].
- Павликовская-Ясножевская М. (1963), [Стихи], перевод. А. Ахматова [в:] *Польская поэзия*, т. 2, Художественная литература, Москва.

- (1969), [*Стихи*], перевод. А. Ахматова [в:] *Польская лирика в переводах русских поэтов*, Художественная литература, Москва.
- (1977), *Ива у дороги*, перевод. А. Ахматова [в:] *Поэзия Европы в трех томах*, Художественная литература, Москва, т. II (2).
- Перевезенцев С. (2001), *Тайны русской веры. От язычества к империи*. «Вече», Москва, <http://coollib.com/b/122438/read> [20.10.2012].
- Петровский М. (1990), *На канавке воды пил...*, „Детская литература”, № 5.
- Polityka a przekład* (1996), pod red. P. Fasta, „Śląsk”, Katowice.
- Польские поэты* (1978), сост. В. Британишский, Художественная литература, Москва.
- Rachwał T. (1996), *O politycznych skutkach nieadekwatności przekładu, czyli dlaczego ugotowano kapitana Cooka* [w:] *Polityka a przekład*, pod red. P. Fast, „Śląsk”, Katowice.
- Роскина Н. (1989), *Как будто прощаясь снова...*, „Звезда”, № 6, <http://www.akhmatova.org/articles/roskina.htm> [20.10.2012].
- Rudnytska N. M. (2013), *Soviet Censorship and Translation in Contemporary Ukraine and Russia*, „Translation Journal”, № 2, кн. 17, <http://translationjournal.net/journal/64catcher.htm>.
- Rundle Ch. (2010), *Publishing Translation In Fascist Italy. Italian Modernities*, Peter Lang, Oxford—New York—Berlin.
- „Русский журнал”, <http://magazines.russ.ru/authors/g/geleskul>.
- Стафф Л. (1971), *Избранная лирика*, перевод. А. Эпфель, „Молодая гвардия”, Москва.
- (1973), *Стихи*, под ред. В. Британишского, Художественная литература, Москва.
- (1981), *Poezje zebrane*, перевод. А. Гунин, PIW, Warszawa.
- (1981), *Леопольд Стафф в переводах Льва Гунина*, „Speaking in Tongues. Лавка Языков”, <http://spintongues.msk.ru/Staff.htm> [20.10.2013].
- (1989), *Китайская флейта*, перевод. Н. Болдырев-Северский [в:] *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации*, «Наука»: ГРВА, Москва, http://nikoldyrev.ucoz.ru/load/izbrannye_stikhi_i_perevody/perevody/kitajskaja_flejta_leopold_staff/9-1-0-43.
- (2007), [*Стихи*], перевод. Н. Шведова, „Меценат и Мир”, № 33–34–35–36, <http://www.mecenat-and-world.ru/33-36/staff.htm> [20.10.2012].
- , [*Стихи*], перевод. Г. Ходорковский, <http://www.stihi.ru/avtor/hodorkovskij> [20.10.2012].
- Starosielska K. (1998), *Co czyta Rosjanin z literatury polskiej (dzień wczorajszy i dzień dzisiejszy)* [w:] *Między oryginałem a przekładem. IV. Literatura polska w przekładzie*, pod red. J. Koniecznej-Twardzikowej, M. Filipowicz-Rudek, U. Kropiwięc, Universitas, Kraków.
- Strunge K. (1999), *A Danger and a Veiled Attack. Translating into Nazi Germany* [in:] *The Practices of Literary Translation. Constraints and Creativity*, под ред. J. Boese-Beier, M. Holman, St. Jerome, Manchester.
- Щеглова Е. (2002), *В ритме фразы*, „Jewish.ru” 30.12., <http://www.jewish.ru/culture/events/2002/12/news994173079.php> [20.10.2012].
- Шукшин В. (1966), *Космос, первая система и шмат сала*, „Литературная Россия”, 29 июля, <http://lib.ru/SHUKSHIN/kosmos.txt> [20.10.2012].

- Szükszyn W. (1980), *Kosmos, układ nerwowy i kawał stoniny*, перевод I. Piotrowska [w:] tegoż, *Nocne dumania i inne utwory*, Czytelnik, Warszawa.
- Szyndler B. (1993), *Dzieje cenzury w Polsce do 1918*, KAW, Kraków.
- Tazbir J. (2002), *Postowie* [w:] M. Gogol, *Taras Bulba*, перевод A. Ziemny, Czytelnik, Warszawa.
- Translation Under Fascism* (2010), ed. Ch. Runge, K. Sturge, Palgrave Macmillan, Basingstoke.
- Toury G. (1995), *Descriptive Translation Studies and Beyond*, John Benjamin, Amsterdam–Philadelphia.
- Tymoczko M. (2003), *Ideology and the position of the translator: In what Sense is a translator 'in between'?* [in:] *Apropos of ideology*, ed. M. Calzada-Pérez, St. Jerome, Manchester.
- Witt S. (2011), *Between the lines: Totalitarianism and translation in the USSR 149–170* [in:] *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, ed. B. J. Baera, John Benjamin, Amsterdam.
- (2013), *Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms* [in:] *The art of accommodation*, eds. L. Burnetta, E. Lygo, Peter Lang Publishing Group, Oxford.
- Voellnagel A. (1998), *Jak nie tłumaczyć tekstów technicznych*, Tepis, Warszawa.
- „Веk перевода”, <http://www.vekperevoda.com/1930/geleskul.htm>.
- Ziemny A. (2002), *Czarne lustro „Trylogii”* [w:] M. Gogol, *Taras Bulba*, перевод A. Ziemny, Czytelnik, Warszawa.
- Ziętarska J. (1969), *Sztuka przekładu w poglądach literackich polskiego Oświecenia*, Ossolineum, Wrocław.
- Жирков Г. (2001), *История цензуры в России XIX–XX вв.*, Аспект Пресс, Москва.

Streszczenie

Artykuł podejmuje kwestię różnorodności wpływu polityki na tłumaczenie oraz na tłumaczy. Autorka wskazuje różne przypadki oficjalnej (np. państwowej) cenzury oraz cenzury nieoficjalnej (autocenzura, polityka wydawnicza). Rozważa to zagadnienie przede wszystkim na przykładach polskich i rosyjskich, w kontekście różnic historycznych. Wskazuje również relacje między politycznymi wytycznymi a decyzjami podejmowanymi przez tłumacza. Prezentuje także, w jaki sposób polityka wpływa na wybór zawodu tłumacza.